

[Линь Кэсун: Умри, пожалуйста.]

[Сун Ижань: Мы же братья, не надейтесь родиться в один и тот же год, месяц и день, но надейтесь, что мы умрем в один и тот же год, месяц и день.]

[Линь Кэсун: ...]

В этот момент в холодном белом свете перед диваном сидит человек в темном костюме.

Черты его лица были красивы, но не привлекательны, а глаза напоминали сцену падения неба.

Суэта и блеск Нью-Йорка, казалось, сгустились вокруг него, как тучи, исчезающие вдаль.

Перед диваном стояла чашка кофе, источавшая грациозный туман, словно пар, мягкий аромат разливался по всем углам комнаты.

— Цяньфан, ты был слишком занят в последнее время, пока не забыл о своей встрече со мной,
—

сказал человек, сидевший напротив него, и в его голосе прозвучала успокаивающая нота.

— Поскольку я потратил деньги, чтобы поговорить с вами, доктор Се, я не забуду о нашей встрече.

Прозвучал холодный и монотонный голос, придавая теплу горячего кофе тонкий слой инея.

— Ладно, ладно. Ты кажешься таким же, как прежде. Но люди вокруг вас немного обеспокоены.

— Вы имеете в виду Майера?

— Конечно, он один из них.

— Что его беспокоит?

Доктор Се поправил очки без оправы:

— Он сказал, что после того как ты вернулся в Нью-Йорк из Китая, твои действия были немного необычными. Например, ты привез велосипед, купленный в Китае, обратно в Нью-Йорк. Ты никогда не хранишь бесполезных вещей.

— Это мой велосипед. Если бы я захотел, я мог бы отправить его на Северный полюс.

Его тон был не просто ледяным, в нем чувствовалось непреодолимое расстояние.

— В прошлом месяце ты постоянно просил других купить засахаренный боярышник. На самом деле очень трудно найти его в Нью-Йорке. Даже в китайском городке засахаренный боярышник — редкое зрелище.

— Вот почему я делаю его сам сейчас.

— Но ты готовишь засахаренный боярышник уже почти месяц. Это редкость, когда есть пища, которая заставляет тебя возиться в течение месяца и все еще не может удовлетворить тебя, — доктор Се потянулся за кофе и осторожно отхлебнул. Затем через свою тонкую линзу наблюдал за выражением лица Цзян Цяньфана, надеясь получить представление о его сердце через изменение его микро-выражения.

Но он был невыразителен, как скульптура, совершенно невозможно прочесть.

— Покрит тонким слоем сахара, но при откусывании можно ощутить кислый и вяжущий вкус. Доктор Се, что это такое?

— Засахаренный боярышник. Когда я был ребенком и еще не эмигрировал в Америку, я уже пробовал его раньше.

— Значит, вы все еще помните вкус?

— Сначала я ничего не мог вспомнить. Но как только ты заговорил об этом, я начал вспоминать. Даже во рту уже ощущают кислоту.

— Тогда вы помните вкус первого раза, когда вы были влюблены в кого-то?

Доктор Се был ошеломлен, затем склонил голову и рассмеялся:

— Я смутно припоминаю. Почему ты спрашиваешь?

— Время нашего сеанса закончилось.

Цзян Цяньфан легко встал, взял свою трость, повернулся и вышел за дверь.

Доктор Се остался сидеть и продолжал пить кофе, его брови слегка приподнялись, в глазах появился лукавый огонек.

На второй день было воскресенье Линь Кэсун лениво потянулась, а ее дядя уже приготовил завтрак и оставил его на столе.

— Ты встала довольно рано в отличие от Сяо Сюэ, даже сейчас она все еще спит.

— Это потому, что я слишком много спала. Если бы я была дома, я бы все еще спала.

Пока Линь Кэсун не закончила завтрак, Линь Сяо Сюэ лениво потянулась, выходя из комнаты.

— А погода сегодня хорошая, правда? — спросил дядя. — Сяо Сюэ, ты приведешь Кэсун поиграть.

— Не называй меня Сяо Сюэ, зови меня Клэр. Если ты хочешь, чтобы я отвела ее посмотреть на Статую Свободы или что-то в этом роде, то забудь об этом. В этом нет никакого смысла. Я договорилась о встрече с моей одноклассницей, чтобы пойти в корейский салон, чтобы сделать маникюр!

— Забудь об этом, дядя, все в порядке. Я также договорилась о встрече с другом, он сказал, что привезет меня на Уолл-Стрит.

— О, это тот парень, Сун?

Линь Кэсун кивнула.

— Он твой парень? Он выглядит действительно красивым, в Нью-Йорке много соблазнов, дядя боится, что ты не сможешь за ним присмотреть, — серьезно спросил дядя.

— Нет. Мы уже десять лет одноклассники. Дядя, когда встретишь его, не говори ерунды.

— Ты что, стесняешься?

— Конечно, нет. Этот Сун Ижань, я боюсь, что у него не будет фильтра во рту и он будет шутить, и в конечном итоге дядя будет чувствовать себя неловко.

— Хахаха! Не бойся, не бойся!

— Твой одноклассник? Что он делает в Нью-Йорке? Не может быть, чтобы он тоже пришел в ресторан работать, ба?— Линь Сяо Сюэ вела себя так, словно ей было все равно.

Дядя использовал свои палочки для еды и стучал по ее тарелкам, только тогда она замолчала.

После завтрака Линь Кэсун надела спортивную обувь и повседневную одежду и отправилась в путь.

И случайно встретила Линь Сяо Сюэ, которая нарядилась, уложила волосы и надела открытое сзади короткое платье.

Линь Сяо Сюэ оглядела Линь Кэсун с головы до ног, ухмыльнулась и на высоких каблуках спустилась вниз, демонстрируя свою грациозность.

Прямо у входа в ресторан, прислонившись к столбу уличного фонаря и играя с телефоном, стояла длинная непринужденная фигура.

Когда Линь Сяо Сюэ проходила мимо, она не заметила, но когда она сделала еще два шага, она не могла не обернуться.

Она никогда не видела такого красивого мужчину, черты его лица были аккуратнее, чем у обычных людей. Брови были детально проработаны, как будто они были специально обработаны, но не заставляли других чувствовать себя женственными, напротив, была аура аккуратности.

— Эй, Сун Ижань, ты опираешься на уличный фонарь, пытаешься сделать косплей Роберта Де Ниро?

Так его имя Сун Ижань.

Линь Сяо Сюэ несколько раз произнес это имя одними губами.

Сун Ижань нахмурил брови, поднял глаза, демонстрируя ленивое выражение.

— По-моему, я гораздо красивее Роберта Де Ниро.

— Опять. Нарциссизм — это болезнь, ее нужно лечить! Разве ты не говорил, что мы должны пойти на Уолл-Стрит, чтобы увидеть этого атакующего быка?

— Да. Я слышал, что чем больше ты будешь тереть зад, тем больше тебе повезет.

— Тогда ты знаешь, как туда добраться?

Сун Ижань медленно достал карту.

— Эй, ты пытаешься быть смешным?

Увидев, что Линь Кэсун сомневается, Сун Ижань рассмеялся. Судя по колебаниям его бровей, солнечный свет искривлялся.

— Конечно, я знаю, как добраться до Уолл-Стрит.

Глядя на его спину издалека, Линь Сяо Сюэ нахмурила брови. Она видит, что парень по имени Сун Ижань обладает молодой и красивой аурой, а ее кузина несовместима во всех аспектах. Как, скажите на милость, кузина познакомилась с ним?

В это время Цзян Цяньфань находился в своей машине лицом к внешней стороне окон, его глаза выглядели так, как будто он смотрел вдаль.

— Господин Цзян, вы слышали о конкурсе гурманов, который организует мистер Уинстон?

— Эн.

— Будете ли вы участвовать? Он прислал вам приглашение.

— Нет.

— Да, это, вероятно, будет еще одно фальшивое шоу. Все повара должны будут выступать по сценарию, нет взаимного обмена кулинарными навыками. И неважно, если это вы, сэр, или другой шеф-повар звезды Мишлен, когда они собираются вместе, чтобы конкурировать, кто бы ни выиграл или проиграл, обе стороны будут чувствовать себя неловко.

Цзян Цяньфань не беспокоился о проблеме, а только смотрел в окно.

Машина остановилась у въезда в Китайский квартал, в гуще суетливой толпы слабо слышался смеющийся голос какой-то девушки.

— Я слышал, что если вы были Уолл-Стрит, касаясь яйца быка, независимо от того, какие акции вы покупаете, все это будет расти до самого высокого уровня!

— Яйца? Какие яйца, я даже не играю на бирже в любом случае! Вы идете коснуться его к вашему удовлетворению, ба!

Голос становился все дальше и дальше, Цзян Цяньфань смотрел в ту сторону, слегка приподняв подбородок, как будто что-то искал.

В это время Майер снял трубку, и выражение его лица стало странным.

— Сэр, я слышал, что правила соревнований изменились.

Цзян Цяньфань уклончиво молчал, как будто все это не имело к нему никакого отношения.

Знакомый голос уже исчез среди толпы.

Словно это была игра воображения.

— Конкурсная комиссия проведет прослушивание и выберет несколько выдающихся участников из числа любителей, интересующихся кулинарией, — Майер искоса взглянул на профиль Цзян Цяньфая, — затем пусть шеф-повар, получивший звезды Мишлен, выберет ученика, а после этого они пройдут трехмесячное обучение. Через три месяца эти ученики представят своих учителей в качестве участников. Таким образом, можно избежать неловкости между гурманами-поварами Мишлен. Победа была бы замечательной, но проигрыш не был бы отражением стандартов их учителей.

— Я чувствую, что ты смотришь на меня.

— Да, я смотрю на вас, сэр, — в глазах Майерса светилась улыбка мудрого старика.

— Ты хочешь, чтобы я отправил кого-нибудь на соревнования.

— Сэр, что такое компания Цзян — это самая большая компания с китайской рабочей силы, действующей в этой стране, имеющая богатую продовольственную империю, а выдающиеся повара под рукой многочисленны. Но единственный, кто может представлять ее самые высокие стандарты, — это вы. Если вы готовы принять участие в конкурсе и наставлять обычного человека, я могу гарантировать, что независимо от того, будет ли это победа или поражение, это повысит репутацию компании Цзян и в то же время усилит родство с массами.

— Звучит так, словно я не шеф-повар и не поставщик продуктов, а скорее собираюсь баллотироваться в президенты.

— Значит, вы не слишком этого хотите?

— Приготовление пищи — это стремление к гармонии, а не соревнование.

Слова Цзян Цяньфая были очень точны.

Майер кивнул и улыбнулся-именно такого ответа он и ожидал.

— Может быть, если вы будете участвовать, то произойдет что-то интересное?

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2258937>